

ПУБЛИКАЦИИ

СТЕЛА ГОКОНА

В конце мая 1953 г. машинист экскаватора Н. Г. Горбань, работая в песчаном карьере на территории предполагаемого некрополя Кеп¹, обнаружил на глубине около 5 м каменную плиту. Найденная стела поступила в Темрюкский районный краеведческий музей.

Надгробие высечено из плотного мелкозернистого известняка; оно отличается хорошим качеством отделки и превосходной сохранностью. Размеры стелы: высота с втулкой 1,36 м (втулка длиной 0,23 м), ширина 0,51—0,55 м (плита сверху несколько сужается), толщина 0,13—0,15 м.

Новая стела примечательна тем, что несет рельефные изображения на обеих сторонах. Таких надгробий известны лишь единичные экземпляры. В собрании Керченского государственного историко-археологического музея из 715 плит имеется только три подобных камня². К двусторонним стелам относится интереснейшее надгробие фанаторийца Агафа, хранящееся в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина³. Другой особенностью новой стелы является то, что рельефы на обеих ее сторонах были высечены не одновременно и что при вторичном использовании камня старались сохранить первый рельеф. Это позволяет высказать предположение, что стела была использована в качестве надгробия для членов одного семейства из Кеп.

Судя по стилю, первым был выполнен рельеф с всадником (рис. 1). Он высечен в почти квадратной (0,44 × 0,45 — 0,46 м) нише (глубиной 2,6—3 см) высоким рельефом. Это превосходное реалистическое, с чертами традиционной торжественной героизации, изображение покойного в образе всадника, едущего вправо. Вся фигура всадника трактована с большой пластичностью и соразмерностью членов. Формы и линии его тела правильно прослежены, что свидетельствует о хорошем эстетическом вкусе, художественном мастерстве и знаниях мастера-ремесленника. Особенно тонко переданы контуры ног, туго обтянутых узкими шерстяными рейтузами⁴. Вероятно, для

¹ Относя данную находку к некрополю Кеп, мы исходим из того, что ряд исследователей (М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, П., 1925, стр. 261 и 272; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 203 и др.) помещают Кепы к северу от станции Сенной, в районе бывших хуторов Артюхова и Пивнева.

² Например, надгробие Каллисфении, жены Баста (инв. № К-2913), воспроизведенное во многих работах по Северному Причерноморью — В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 236—237; А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 163; G. Kieseritzky—K. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, № 249 (далее сокращенно К—W).

³ М. М. Кобылина, Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа, ВДИ, 1948, № 4, стр. 85.

⁴ См. М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, т. I, СПб., 1914, стр. 327.

того, чтобы не нарушить рисунка ноги, мастер отказался от изображения короткого килжкала, который нередко помещался на правом бедре (см., например, К—W, № 579, 591, 599, 606, 619).

Голова повернутого в три четверти всадника, на удлинненной открытой шее, дана почти en face. Лицо, несомненно передающее черты индивидуальной портретности, представляет мужчину около 40 лет, с большими миндалевидными глазами, с густой шапкой волос, с короткой курчавой бородкой и усами.

Стремление к портретности сближает новую стелу с такими превосходными боспорскими надгробиями, как надгробие Астрагала начала II в. до н. э. (К — W, № 318), Хрисии, дочери Деметрия, начало I в. н. э. (К — W, № 500), фрагмент с изображением прощающейся четы (инв. № К-3077) в лапидарии Керченского музея.

Входя в группу лучших образцов реалистического портрета в монументальном искусстве Боспора, публикуемая стела приобретает тем большее значение, что является единственной по некоторым своим оригинальным особенностям. Героизированный всадник держит перед собой в седле две детские полуфигурки — мальчика и девочки. Они, очевидно, изображают детей погребенного, вероятнее всего, ранее умерших. На это указывает их рельефное изображение по поясу, что основывается на традиции воспроизводить бюсты покойных, выработавшейся в боспорской скульптуре еще в IV—III вв. до н. э. и восходящей к традициям античного искусства (см. А. П. И в а н о в а, ук. соч., стр. 38).

Помещение мастером-ремесленником детей в седло всадника вносит в традиционные сюжеты и прочно сложившиеся канонические схемы боспорских надгробий нечто новое; таким приемом, очевидно, хотели передать отцовскую привязанность и любовь умершего к своим детям. Художника новой стелы не удовлетворили уже сложившиеся в I в. до н. э. скульптурные каноны, когда умерший часто изображался в кругу семьи, с женой и детьми (например К — W, № 417, 422, 423, 426, 439, 440). Его композицию можно рассматривать как известное обогащение приемов и средств в портретно-реалистических характеристиках покойных.

Это явление в искусстве небольшого боспорского городка следует связать с той тенденцией подъема, которая характеризует всю экономическую и культурную жизнь Боспора в I—II вв. н. э. В боспорской надгробной скульптуре этот период характеризуется такими чертами, как подчеркнутая героизация покойных путем изображения их в виде статуй всадников на пьедесталах (К — W, № 661, 686), неоднократное использование постаментов для изображения ранее умерших детей¹, введение собаки для большей героизации умерших мужчин², разработка анфемиев в богатых и усложненных растительно-орнаментальных формах (К — W, № 136, 137, 719 и т. д.).

Некоторым приближением к публикуемой стеле является надгробие Деметрия, сына Аполлония (I в. н. э.) из лапидария Керченского музея³. Здесь на массивном постаменте дано изображение мальчика в седле на коне⁴.

По традиции всадник на повой стеле представлен без воинских доспехов и вооружения; лишь небольшой лук скифского типа в горите виднеется сзади за правым плечом.

¹ А. П. И в а н о в а, Керченская стела с изображением всадника и спящей женщины, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 23; К — W, № 214, 215, 251, 257, 271, 426, 693; В. В. Л а т ы ш е в, IOSPE, II, № 72, 249, 257; Н. П. Р о з а н о в а, Неизданные надгробные стелы Таманского музея, ВДИ, 1951, № 3, стр. 92.

² К — W, № 561, 585, 604, 661, 678, 688; М. И. Р о с т о в ц е в, Античная декоративная живопись..., стр. 178.

³ См. А. П. И в а н о в а, ук. соч., стр. 161, рис. 60. Не могу согласиться с автором, считающим высеченную фигуру изображением взрослого всадника. Напомню, что и В. В. Ш к о р п и л считал, что здесь изображен мальчик (ИАК, вып. 63, 1917, стр. 114).

⁴ К — W, № 215 и 257. Авторы истолковывают детские фигуры на постаментах как изображения ранее умерших.



Рис. 1. Рельеф лицевой стороны плиты



Рис. 2. Рельеф оборотной стороны плиты

чом. Интересно по своим необычным формам седло с высокими передней и задней лупами и с отсутствием нижнего выступа для ног. Едва ли не единственной аналогией ему можно считать седло на рельефе стелы К — W, № 628. Характерно отсутствие трех ремней, свисающих из-под седла, которые изображены на большом количестве надгробий, найденных в гор. Керчи и ее окрестностях¹.

Как известно, эти ремни служили знаком высокого социального ранга². Отсутствие данной детали, однако, еще не может служить доказательством того, что погребенный не принадлежал к боспорской знати. Возможно, у зажиточных обитателей Кеи, в отличие от жителей Пантикапея и Фанагории, не было в обычае иметь в составе сбруи такую принадлежность.

В костюме всадника наблюдается сочетание греческой и местной одежды: он одет в гиматий, укороченный для удобства при верховой езде и скрепленный фибулой на правом плече. Под плащом надета короткая куртка с длинными облегающими рукавами и облегающие шерстяные штаны (рейтузы). Складки верхнего одеяния спереди даны не пластичными, а условно-схематизированными линиями. Последние лучше всего соответствуют передаче героизированного облика умершего. Нужно отметить, что мастер проявил большое умение в показе торжественной величавости всадника.

Рельефное изображение коня трактовано в последовательно выдержанном реалистическом плане. Оно является одним из самых выдающихся в надгробной скульптуре Боспора по безупречной пластичности форм и линий, правильной пропорциональной соразмерности туловища, ног, шеи и морды, по точености стройности конечностей. Грива коня подстрижена короткими городками. Следует особо отметить мастерство и наблюдательность мастера, высекавшего фигуру животного.

Образ коня получил особенно широкое распространение в надгробных боспорских рельефах при изображении героизированных умерших именно в I в. н. э. С конца этого столетия реалистическая трактовка коня уступает условно-стилизованной манере с чертами декоративной схематизации и плоскостности. Вместо тенденций пропорциональной соразмерности (правда, не всегда выдержанной до конца) возобладает и утверждается тенденция диспропорциональной геометризации. В конце I — начале II в. н. э. появляется серия изображений всадников с резким нарушением анатомических пропорций, с непомерно удлиненными «палкообразными» ногами животных и людей (см. К — W, № 574, 575, 626, 648, 650, 669, 725). В них ярко отражается процесс сарматизации, развивающийся в искусстве и укладе жизни Боспорского государства (В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 469—470).

Стиль изображения коня на публикуемой стеле позволяет отнести ее к I в. н. э. Наиболее близкими ее аналогиями являются изображения надгробия К — W, № 599, 600, 608, 624, 628, 657. Все они датированы I в. н. э. Конь описываемой стелы Темрюкского музея имеет еще один признак, подтверждающий ее датировку I столетием н. э., — движение тихой поступью³. Образ скачущего всадника характерен для более позднего времени — для II века н. э. Об этом свидетельствуют немногие дошедшие до нас стелы (ланидарий Керченского музея, инв. № 3134 и 3135; эти же плиты см. К — W, № 561 и 617). М. И. Ростовцев дает весьма правдоподобное объяснение причин, породивших тип спокойно шагающего или стоящего коня на боспорских надгробных релье-

¹ К — W, № 575, 599, 600, 608, 614, 619, 622, 634, 657, 664.— 666, 668, 670, 675, 679, 680, 681, 683, 686; Ю. Ю. М а р т и, Новые эпитафические памятники Боспора, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 79—80.

² М. И. Р о с т о в ц е в, Античная декоративная живопись..., стр. 176 и 324; М. М. К о б ы л и н а, Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа, ВДИ, 1948, № 4, стр. 88.

³ Н. Н. Б р и т о в а, Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора, КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 54.

фах I в. н. э., указывая, что это было время, когда жители Пантикапея вели сравнительно мирный образ жизни, не испытывая натиска причерноморских племен¹.

Фигура всадника на новом памятнике сопровождается фигурой другого всадника, помещенного на заднем плане в уменьшенном масштабе. Это слуга-оруженосец, скорее всего раб, изображение которого вводится в композицию надгробных рельефов для того, чтобы подчеркнуть высокое социальное положение умершего. «Вспомогательная» фигура также трактована в духе реалистического этнографизма. Слуга-оруженосец высечен в более низком рельефе, чем героизированный всадник и его конь; у него также непокрытая голова и курчавая шевелюра, но лицо безбородое; одет слуга в короткий кочевнический казакин, имеющий косой вырез под шеей спереди и скошенную линию бортов, и в узкие шерстяные рейтузы, которые облегают ноги. Оружия у него нет никакого. Мешковатая посадка слуги контрастирует с величаво-выпрямленной фигурой господина. Такое рельефное воспроизведение двух всадников — господина и слуги — имеет наиболее близкие аналогии в надгробиях К — W, № 618, 619, 622, 624, 627, 628, 633, 634, 635а, 639, 650.

Под лошадью главного всадника легчайшим рельефом обозначена фигурка собаки, тянущейся мордой вверх, с хвостом, поднятым крючком, и тоже поднятой одной передней лапой.

Фигурка собаки подкрепляет датировку рельефа I веком н. э., так как именно к этому времени относится подавляющее большинство надгробий с изображениями животного (К — W, № 561, 585, 591, 604, 661, 676, 688)². Однако изображение собаки на новой стеле имеет некоторые отличия. Так, например, фигурка животного на стеле № 561 трактована грубо-натуралистичнее и примитивнее, на стелах № 585 и 591 — она более жизненна, на стеле № 661 — невыразительнее, натуралистично-непритязательнее. Фигурка животного публикуемой стелы отмечена большей жизненной непосредственностью и художественной выразительностью. В этом, так же как и в главных образах рельефа, проявились наблюдательность и художественное умение мастера. Интересно применяемое им сочетание натуралистических черт со стилизованными приемами абстрактной геометрической схематизации. Последняя проглядывает в передаче контурных линий морды собаки с ушами острым равнобедренным треугольником, очертания которого напоминают наконечник стрелы. Можно указать еще на схематизированно-вытянутые линии пальцев руки всадника-господина и на непропорционально малую ладонь, как единственные детали, выполненные в стиле плоскостной декоративности и схематизированной условности, несколько противоречащем всему реалистическому характеру анализируемого надгробия.

Под рельефом всадника высечена надпись в две строки; высота букв — 3,2—3,5 см; «о» — заметно меньше — 2,7—2,8 см.):

Γόκων, υἱὸς Παπίου χαῖρε.

Имя Гокона уже встречалось в боспорской эпитафике (например, К — W, № 165) так же как и сарматское имя Паппия (см. IOSPE, II и IV, Indices). Начертание букв также определяет данный памятник монументального искусства Боспора I веком н. э.

Повидимому, стела Гокона простояла сравнительно недолгое время и затем подверглась переделке — на обратной стороне плиты был высечен новый рельеф. При

¹ М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись...*, стр. 179.

² В. В. Латышев также отмечает их в IOSPE, II, № 175, 258, 355. См. также надгробие Стратоника — В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, рис. 64. По суждению М. И. Ростовцева (ук. соч., стр. 178), фигурка собаки используется в боспорских надгробиях в качестве приема подчеркнутой героизации покойного, принадлежавшего к господствующим слоям рабовладельческого общества, тогда как В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 386) рассматривает фигурку собаки как символ верности.

этом верх плиты был отбит, и таким образом погибло верхнее поле над рельефом всадника, несомненно имевшее украшение в виде фронтона.

Обратная сторона плиты сверху украшена карнизом и фронтоном с двумя громоздкими, округлыми в контурах акротериями по краям и небольшим аналогичным акротерием посредине, с двумя четырехлепестковыми розетками над покатосями имитируемой кровли храма и одной такой же розеткой посредине фронтона. Под последним размещены еще три розетки о четырех лепестках (рис. 2).

В почти квадратном углублении (высота 0,46 м, ширина 0,42—0,43 м) со скошенными гранями высечено рельефное изображение женщины. Она восседает в три четверти в традиционной величаво-торжественной позе с траурным канонизированным жестом — поднятой к щеке левой рукой. Широкое лицо en face с тяжелым подбородком и массивной шеей, с выпуклыми крупными глазами, очевидно, передает местный этнический тип. На голове покрывало, из-под которого выглядывает не то край головного убора, не то волосы. Покойная облачена в матиат и хитон. Их многочисленные и частые ниспадающие складки прослежены не пластично-гармоническими линиями, а графически, схематично. Местами они переданы рядами параллелей. Такая трактовка одеяния вместе с позой возвышают образ покойной до полубогини. В религиозных представлениях боспорцев умерший, как известно, становился героем. Эти взгляды, естественно, отражали и художники, создававшие памятники надгробной скульптуры.

Героизированная покойная восседает на подушках в парадном кресле с прямой невысокой спинкой, прямоугольными подлокотниками и фигурными точеными ножками. Ногами она опирается на скамеечку. Графически изображенные ниспадающие складки длинных одеяний усиливаются линиями удлиненных размеров ног. Вместо ощущения живой телесной округлости женских колен и голеней на новом рельефе дана линейная прямая острая грань. Посредством ее боковая сторона рельефа — перед одеяния — переходит в его плоскость. Эта деталь принципиально отлична от пластично-объемных складок одежд сидящих женщин на аналогичных изображениях стел К — W, № 157, 160, 169, 171, которые датируются I веком до н. э. и началом I столетия н. э. Такая трактовка фигуры сидящей женщины связана с усилением сарматизации боспорского искусства. Сказанное побуждает нас отнести изображение оборотной стороны стелы к более позднему времени, чем рельеф передней стороны, а именно к концу I в. н. э.

Наиболее близкими аналогиями к анализируемому рельефу надгробия являются изображения стел из лапидария Керченского музея за инв. № 3032, 3045, 3090 (К — W, № 178 и 183).

На рассматриваемом рельефе перед женщиной стоит фигурка девочки-прислужницы в длинном одеянии, исполненная низким рельефом. В руках она держит сосуд с крышечкой, новидимому шкатулку. Как известно, фигурка прислужницы в надгробных сюжетах вводилась ради передачи идеи обожествления покойницы-госпожи.

Над фигуркой прислужницы, на невысоком и широком постаменте, расположены две другие детские фигурки — мальчика и девочки. Они, очевидно, связаны с усопшей женщиной родственными узами и, вероятно являются ранее умершими. Правая рука мальчика опущена вдоль бедра, левая полусогнута, под плащом отчетливо видны рукава туземного казакина. У девочки левая рука расположена так же, но правая, согнутая в локте под острым углом, поднята вверх к левому плечу. Головы детей не покрыты, густые волосы, спускающиеся ниже висков у мальчика и до плеч у девочки, показаны схематизированно. В чертах лиц, особенно носа, имеет место обобщенность с элементами геометризации, складки одежд трактованы в небрежно схематизированной, условной манере. Надгробные рельефы с такими детскими фигурами на постаментах по преимуществу относятся к I — началу II в. н. э.

Новооткрытая двусторонняя стела, поступившая в Темрюкский краеведческий музей, представляет собой интереснейший памятник того своеобразного искусства Веспора, которое сложилось в процессе взаимодействия эллинской и местной культуры. В этом надгробии ярко отразилось творческое восприятие античной традиции с ее пластически-объемными формами и линиями в сочетании с тенденциями плоскост-

ной и условно-схематической «варварской» трактовки, этнографический натурализм и реализм индивидуального портрета боспорцев с чертами нарастающей геометризации, связанной с сарматским воздействием.

Образ героизированного всадника-воина обогащен необычной для боспорской надгробной скульптуры деталью, передающей в личности покойного качества отца.

Нам кажется, что стела Гокона и безымянной женщины представляет немалый интерес для истории боспорской культуры сарматского времени.

Б. А. Шляев